

Семен Злотников

АУКЦИОН

лот №666

ФАРС

Участвуют в аукционе:

<i>Ильич –</i>	<i>54 лет</i>
<i>Педичев –</i>	<i>98 лет</i>
<i>Нюра –</i>	<i>65 лет</i>
<i>Клавдия –</i>	<i>101 года</i>
<i>Франциско –</i>	<i>34 лет</i>
<i>Рэйчел –</i>	<i>23 лет</i>
<i>Усяма –</i>	<i>48 лет</i>
<i>Фидель –</i>	<i>60 лет</i>
<i>Ваня –</i>	<i>22 лет</i>
<i>Сад, человек-волк -</i>	<i>22 лет</i>
<i>Ведущий аукциона –</i>	<i>любых лет...</i>

К а р т и н а п е р в а я

*Огромная гостиная в огромной московской квартире. На стенах внушительных размеров картины известных художников с изображениями обнаженных мужчин и женщин. Скульптуры обнаженной Венеры, обнаженного Геракла с фиговым листом на причинном месте и кудрявого мальчика с крылышкам, без листка. Много дверей, ведущих во множество комнат. Длинный обеденный стол со стульями; массивная мягкая мебель. На полу медвежья шкура. Все не новое. Заметны следы былой роскоши, цвета пожухли. Утро. Солнце встает. Звонят. Тишина. Еще звонят. Еще и еще. Наконец, одна из дверей отворяется, появляется **Рэйчел**, босоногая, обернутая в простыню; стоит, озирается по сторонам.*

Рэйчел(бормочет с заметным английским акцентом). Как это будет по-русски, забыла... Дурьдом... (Натыкается на стул, рушит, падает.) Фак...

*Из другой двери появляется **Клавдия**. В роскошном пеньюаре, на лице густым слоем зеленая косметическая маска, на голове золотая косынка. **Рэйчел**, увидев ее, так и застыла.*

Клавдия. Что, звонят?

Рэйчел. Что звонят?..

Клавдия. Кто звонит?

Рэйчел. Кто звонит?..

Клавдия.(подозрительно разглядывает девушку). Какой-то акцент у тебя... Ты не русская, что ли?

Рэйчел. Не русская, что ли.

Клавдия. Почему ты мне тыкаешь?

Рэйчел. Почему ты мне тыкаешь?

Клавдия. Я – потому что... (Вдруг, осекается.) Да что ты тут делаешь?

Рэйчел(пожимает плечами). А ты что тут делаешь?

Клавдия(пожимает плечами). Нечисть залетная... дрянь...

Рэйчел(*заваливается на диван, задирает ноги кверху*).
Дрянь...

Звонят.

Франциско(*вырастает у Клавдии за плечами*). Звонят.

Клавдия. Не глухая.

Франциско. Открою.

Клавдия. Не стоит.

Франциско. А что, если добрая весть?

Клавдия. А я сердцем чувствую, что не к добру.

Франциско(*смотрит на Рэйчел, обаятельно ей улыбается*).
Я сердцу верю... Особенно – твоему...

Клавдия(*перехватывает его взгляд*). Устала я что-то.

Франциско. Что, милая?

Клавдия. От блядей, говорю, что-то жутко устала. Особенно импортных. Бродят по дому, как привидения. Будто так надо.

Рэйчел(*встает, вдруг*). Сорри... где тут туалет?

Франциско(*неопределенно махнув рукой*). Был раньше там...

Рэйчел. А не раньше?

Франциско(*показывает в противоположную сторону; обаятельно улыбается*.) Проводить?

Клавдия. Стоять!

Франциско (*обаятельно улыбается Рэйчел*). У нас целых три туалета. Понятно?

Клавдия. Как ты меня огорчаешь, Франциска!

Франциско (*Рэйчел*). Прямо пойдете, налево потом, и направо, и прямо, и в самом конце... (*Клавдии*.) Не волнуйся, я все объяснил.

Рэйчел уходит. Звонят.

Клавдия. Франциска, малыш, вообще-то, у нас мировые гастроли на Кубе.

Франциско. Чудесно!

Клавдия. Все. Поеду одна. Решено. Там найду гитариста.
Там все гитаристы.

Франциско. Клава, прости...

Клавдия. Решено, выступаю под местный аккомпанемент!

Франциско. Я больше не буду...

Клавдия. Счастье спугнешь – не догонишь, понятно?

Франциско. Не буду, не буду, не буду, не буду...

Клавдия(щиплет его за нос, дергает русые кудри). Ну, ты, испанец противный такой...

Франциско. Я – басконец...

Клавдия. Сатир ты, чудовище, бык... (*Крепко обняв, запрыгивает ему на руки.*)

Франциско(*кряхтит*). Ох, хорошо!.. (*На полусогнутых уносит возлюбленную старушку в спальню.*)

Клавдия(*иррационально бормочет*). Не огорчай меня больше, малыш...

Франциско. Да не буду...

Клавдия. Гляди...

Франциско(*кряхтит, надрываясь*). Я все понял...

Клавдия. О, бык...

Скрываются. Звонки продолжают. Возвращается Рэйчел; наугад отпирает одну из дверей – оттуда доносится рычание, она с криком выскакивает. Рэйчел осеняет себя крестным знаменем. Появляется Ваня. Бритоголовый, в плавках, весь в наколках: на одном плече свастика, на другом пятиконечная звезда, на левой груди – распятый на кресте Иисус, на другой – он сам, Иван, и тоже распят. На каждом бедре – наколото по пистолету. Сонный. Лениво оседает на кресло. Звонят.

Рэйчел. Френд!

Ваня(*зевает*). Чего?

Рэйчел. Куда ты меня привёл?

Ваня. Сюда.

Звонят.

Рэйчел. Сюда – это где?

Ваня. Сюда – это тут.

Рэйчел. А тут – это где?

Ваня. Тут – это там, где не там, а – тут.

Рэйчел. Сколько учу этот ваш русский язык – никак до конца...

Ваня. У него нет конца.

Рэйчел. А что есть?

Ваня. Все у него есть, чего нет.

Звонят. Она опускается возле него на колени, задумчиво водит пальцем по голой ноге.

Рэйчел. Френд...

Ваня. А...

Рэйчел. Ты тут живешь?

Ваня. Что значит – жить?

Рэйчел. Сразу видно, ты русский... (*Смеется, легонько щекочет его*). Что хочешь? – Не знаю! На что надеешься? – Не понимаю!.. (*Щекочет.*) Как так, приятно?..

Ваня. Дури нет?

Рэйчел(*щекочет еще*). А так хорошо?..

Ваня. Целых два шмата дури – куда подевались?

Рэйчел(*смеется, взмахивает руками*). Тю-тю!..

Ваня(*стаскивает с нее простыню.*) Вороти мою дурь – потом полетаем...

Звонят.

Рэйчел (*оказавшись, вдруг, голенькой, хохочет, выхватывает простыню, заворачивается*). Я стесняюсь!

Ваня(*опять хватается за конец простыни*). Где дурь?

Рэйчел(*хохочет*). Моя твоя не понимает, моя твоя не понимает...

Ваня(*тащит с нее простыню*). Подруга, кончай, не наглей...
Рэйчел. Дурь, дурь дурь!.. (*Оставляет простыню, бежит из гостиной; бегом же возвращается, целует, уносится снова.*)
 Дурь, дурь, дурь!..

Звонят.

Ваня(*набрасывает на себя простыню, как тунику, бормочет*). Как сказал Юлий Цезарь напоследок римскому сенату: да провалитесь вы все!.. (*Уходит в прихожую.*)

Из коридора доносятся мужские возгласы: «Саддам! Какой ты большой! Ну-ка, ну-ка, ну-ка! Да ты совсем мужчина! Усяма, он стал мужчиной! Ты не хочешь меня впустить? Ты меня не узнал? Подумай, меня не узнал!.. Появляется Фидель, груженный, как мул, множеством сумок и чемоданов; одет, как арабский шейх; борода клинышком, усы, куфия на голове – араб, одним словом. Сваливает багаж на пол. Следом возникает существо в серебристой парандже – Усяма. Наконец, последним является Ваня.

Фидель. О, Саддам, приди мне на грудь!

Ваня. Спокойно, папаша...

Фидель. Наконец, я тебя обниму, сын мой!

Ваня. Зачем?

Фидель(*смеется*). Ха-ха-ха, ты очень смешной! Ха-ха-ха, юмор есть! Хороший юмор – когда все вокруг очень смеются, а ты сам – не очень!.. Сразу видно, мой сын уродился в моего отца: я тоже никогда не понимал – он шутит или серьезно... (*Озирается, со слезами на глазах.*) А где он, сынок?

Ваня *почесывает затылок.*

Саддам, ты не помнишь меня? О, Аллах, я – твой родной отец! Я дал тебе жизнь! Неужели не вспомнил? А что, голос крови – молчит? Что, не слышишь, совсем?.. Ха-ха-ха, а еще говорят: голос крови – такой сильный голос!..

*Между тем существо в парандже удобно расположилось в кресле, достало из серебристой дамской сумочки золотой портсигар, длиннющий мундштук, зажигалку; отодвинув самый край паранджи, закурило. **Фидель** щиплет **Ваню** за щеку.*

Юный, прекрасный, алчущий жизни!

Ваня(шарахается от него). Мужик...

Фидель(мелко хохочет). Кто мужик – я мужик? Ха-ха-ха! Такое отцу – что ты скажешь! Разве у нас такое возможно? Запад есть Запад – воистину, так!.. Эта перехваленная иудео-христианская цивилизация: пусти хлеб по воде и жди, урони зерно в землю – умри, эту щеку подставь, потом другую подставь...

Ваня. Вы на себя не похожи, папаша.

Фидель(мелко смеется). Ха-ха, не похож... Не похож на себя... Ха-ха-ха, ха... Усяма, послушай! Ха-ха, ха-ха... На кого же я, по-твоему, похож?

Ваня(не пряча неприязни). На грифа.

Фидель(мелко покатывается). Ха-ха-ха... Какой веселый малыш у меня!.. (Достает из кармана фотоаппарат.) Мой сын... Мое семя... Я его должен на память... Еще говорят, голос крови – ха-ха... На грифа – ха-ха... Фотографию назовем: Саддам в Мекке!..

*Внезапно со скрипом приоткрывается дверь, из которой в гостиную с рычанием выскальзывает человек-волк, он же **Саддам**.*

Ваня. Сад, на место! Нельзя, Сад, назад!..

***Саддам** с рычанием отпрыгивает, прячется под столом.*

Сад, я кому сказал, Сад!.. (Стучит по столу.)

Человек-волк, вдруг, запрыгивает на кресло, перескакивает на диван, злобно рычит на Усяму.

Ваня. Только попробуй, Сад, накажу!.. Кость приготовил, Сад!.. Сад, пошел!..

Усяма медленно пятится к окну, человек-волк, изловчившись, прыгает на Фиделя, валит его на пол, пытается укусить за мягкое место, но, кажется, запутался в огромной белой хламиде.

Фидель. Саддам, помоги, я боюсь!.. Саддам, спаси!..

Человек-волк внезапно застыл над жертвой.

Он меня съест, я боюсь... О, мне страшно, Саддам...

Ваня(медленно подбирается, дружелюбно). Сад, не жри ты его, он противный... Я дам повкуснее... Кролика будешь?.. У самого текут слюнки... Оставь ты его... Твой пахан, Сад, какой-никакой...

Человек-волк, вдруг, лизнул шейха в щеку и тихо заскулил.

Фидель(заикаясь). Саддам...

Ваня(наконец, берет волка за ошейник, ласково уговаривает). Узнал пахана – и сразу лизаться, да?.. Не спросил даже: где был, пахан? Что, пахан, делал? Почему так долго не приезжал?.. (Не резко, но тянет странного зверя за собой.) Пошли, Сад, да ну его... Слышишь, братишка, пошли...

Человек-волк обнимает брата и лижет.

Сад, все нормально... Я тебя тоже люблю... (Вдруг, смеется.) Мне щекотно, Сад, дурачок... (Медленно, крепко держа за ошейник, уводит его.)

Человек-волк у самой двери, вдруг, заупрямился, потянулся мохнатыми руками к шейху и тоскливо завыл.

(Все так же ласково). Сад, братишка... Не рви душу, Сад... Сад, пошли... Что ли, слышишь?.. (Наконец, возвращает волка в его комнату, запирает за ним дверь на ключ.)

Тишина.

Фидель*(потрясенный, на полу, на коленях).* Кто это был?..

Ваня. Сад...

Фидель. Саддам? Аллах...

Ваня. Он добрый вообще-то... Он только пугает... Сильно его не злить...

Фидель*(горестно раскачиваясь из стороны в сторону).* Саддам... Мой Садам, он мне снился... Он сидел на цепи у ворот на небо... Я хотел пройти, а он меня не впускал... И он был огромный и страшный, как вепрь... И мне было очень страшно... А я между прочим, сразу почувствовал: ты – не Саддам... Он родился черным, как ночь, ты родился красным, как солнце... Когда он родился, я даже подумал: вот, настоящий Саддам...

Появляется Рэйчел: по-прежнему не одета.

Рэйчел. Сколько ждать надо, френд? *(Замечает гостей.)* Вот дурьдом!.. *(Торопливо скрывается.)*

Фидель*(обнимает его за ноги.)* Прости меня, сын, я уехал из дому – ты только родился...

Ваня. Нормально...

Фидель. Ради великого Аллаха, прости меня, Ваня?

Ваня*(пытается выпростать ноги из объятий).* Аллах, говоришь, великий?

Фидель(цепляется еще крепче). Ты похож на меня, ты такой же, как я...

Ваня. Тоже скажешь...

Фидель. Ты похож на меня молодого... Ты даже больше похож на меня – чем я на себя... Ах, Ваня, я только тебя увидел – мне так сразу хорошо на сердце...

Ваня. Ты журчишь, мужичок, я, лично, ничё не секу...

Фидель(горячо). Понимаю!

Ваня. Тебе сейчас хорошо, говоришь, а мне, ты поверь – не хорошо...

Фидель. Я тебе все объясню!

Ваня. Ты лучше скажи: у тебя дурь есть?

Фидель. Дурь?..

Ваня. Гашишка, по-вашему... План там, к примеру... По-нашему – дурька, дурища... Детишкины радости... Что, не привез малышу?

Фидель(отпускает его ноги). О чем ты, наркотики?..

Ваня(смеется). Тоже ты скажешь, мужик... Для настроения – дурь... Для обретения смысла... Да я не колюсь, ты не думай, здоровье терять... Без здоровья на кладбище враз пропадешь...

Фидель(растерянно). Великий Аллах, что ты делаешь там, на кладбище?

Ваня. Приуготовляю. Знаешь, что это такое: приуготовлять? (Улыбается). Ну-ну, мужик: приуготовлять?

Фидель(беспомощно смотрит на существо в парандже). Усяма...

*Существо в парандже внезапно встает, открывает один из чемоданов, снизу доверху набитый пластиковыми пакетиками с белым порошком. Кидает пакетик **Ванюшке** – тот едва успевает поймать. Закрывает чемодан. Выпрямляется, стоит. **Ваня** потрясенно разглядывает дар небес.*

Фидель(вдруг). Нет, ни за что!.. (*Отнимает у Вани пакетик и прячет обратно в чемодан.*) Ни за что, никогда!..

Ваня(с сильной обидой). Мужик...

Фидель. Не проси, сынок, я не позволю...

Ваня. Человек ты, мужик, или кто?..

Фидель. Ты мне дорог, сынок, не проси... Не настаивай, не умоляй... Пойми, наконец: ты последнее, что у меня осталось от прошлой жизни...

Ваня(чуть не плачет). Да при чем, мужик, это при чем?..

Фидель. Наркомания – страшное зло, мы будем лечиться... Я буду молиться Аллаху, ты будешь лечиться...

Ваня(существу в парандже). Да, Сяма, скажи ты ему?

Фидель. Лучше пускай Аллах меня покарает – я не позволю...

Ваня(со слезами). Чо он делает, Сяма, скажи? (*Падает на колени.*) Скажи ты, пока я не помер...

Усяма(хрипло). Пилад.

Фидель(взвизгивает) Усяма, мой сын!

Усяма(с угрозой). Сволич.

Фидель(визжит). Семя моё!

Усяма(медленно, но неотвратно надвигается). Хамно.

Фидель(отступает, но не сдается). Не надо, Усяма!

Усяма(хрипло). Сидить!

Фидель тут же послушно садится. Существо в парандже опять достает пакетик с белой смертью, протягивает Ване.

Усяма(хриплым шепотом, на ломанном русском). Диржи.

Ваня(не веря своему счастью). Мне?..

Фидель(едва слышно). Нет...

Усяма. Твая.

Ваня. Без подьебок, в натуре?.. (*Тянется, руки предательски дрожат.*)

Усяма. Ни бзды. (*Вкладывает пакетик ему в руки.*)

Неожиданно выбегает Рэйчел, выхватывает пакетик, исчезает.

Ваня(беспомощно, потеряв голос). Эй, куда ты?.. Постой ты, мое... (Скрывается следом.)

Тишина. Существо в парандже, неслышно ступая, обследует гостиную. От портрета к портрету, заглядывает за подрамники; от окна – к двери; и т.д.

Фидель(достает из кармана платок, вытирает слезы, расстроено констатирует). Вот жизнь, как дети растут... Прямо – пух-пух и растут... Соколы – что один, что другой... Шахиды... (Сокрушенно вздыхает.) Бедные мои детишки: как же им с мамой не повезло... Как сейчас, вспоминаю: был прием у почтенного принца Наср-Алла... Я, тогда еще молодой дипломат, но уже первый секретарь посольства в Багдаде... Прямо во время приема она плюнула мне в лицо! Даже Наср-Алла сказал: ай-ай, как некрасиво... Меня сразу понизили: стал шестым... Или еще, никогда не забуду: на приеме в Кремле приставала к первым лицам государства. Умолял не губить – она была пьяная, как матрос, и только нагло хохотала мне в лицо. На другой день сбежала в Уганду с двойником генерального секретаря. Был страшный скандал. Стали копать – она оказалась штатным агентом ЦРУ. Двойник оказался нештатным. И опять у меня неприятности...

Существо в парандже решительно гасит сигарету, встает, направляется к выходу.

(Шепотом.) Куда?..

Существо в парандже упреждающе поднимает палец – мол, тише; мгновение прислушивается; вдруг, становится на четвереньки и ползает метр за метром по комнате, как будто чего-то потерял; залезает под стол, приподнимает медвежью шкуру.

Усяма. Гди Линин?

Фидель(*подползает близко к Усяме, шепчет*). Тише, Усяма, пожалуйста, не сейчас...

Усяма(*хриплым шепотом*). Кягда?

Фидель(*шепотом*). В мавзолее мы отправимся ночью... Охрана уснет, все уснут... Потерпи, еще рано...

Усяма(*шипит*). Ни можна тирпет... Ни хачу тирпет... Гавары, гиде Линин? Твая гаварыл, твая знаит, твая атэс знаит, гиде Линин? Гиде, гавары, твая атэс?

Фидель(*шепотом*). Папа, отец!.. Говорил, это правда... Я даже не знаю, Аллах, жив ли он!.. Вообще, может, спит вечным сном, или как-то еще спит!..

Непонятно, откуда и как возникает отец. С метлой и лопатой в руках, и одетый, как дворник. У него за спиной виднеется Нюра.

Педичев. Я жив, и не сплю.

Фидель(*радостно откликается*). Боже мой, папа, живой! (*С рыданиями устремляется к отцу.*) Всемогуший Аллах, папа, папа!..

Тихо приоткрывается дверь, в гостиную неслышно проскальзывает Клавдия. Уже без косметической маски; непостижимого возраста женщина, по виду, лет тридцати; в испанском платье, с огромными серьгами в ушах и кольцами на пальцах. Незаметно стоит в тени, никто не заметил, как она появилась. А, между тем...

Педичев. Ну, я так и знал... (*Через плечо.*) Всегда был истериком. Сопли пускал. С рождения прямо. Ты, Нюра, прости.

Нюра. У меня третий муж был такой.

Педичев. Развелась?

Нюра. Слава богу, сам помер.

Педичев. Ну, правильно...

Нюра. Сам бы не помер – сама бы убила.

Фидель*(все никак не может успокоиться)*. Папа, папа...

Нюра. Федор Кузьмич, мне уйти?

Фидель. Ах, папа...

Педичев*(Нюре)*. Ты потерпи, он сейчас успокоится.

Фидель*(захлебываясь счастливыми слезами)*. Все эти годы, все годы мне снился...

Педичев*(через плечо, Нюре)*. Совсем превратился в араба...

Фидель. ...Один сон особенно повторялся: я, маленький, ползаю по ковру, а ты приезжаешь с работы из Кремля и берешь меня на руки, и подбрасываешь к потолку, и при этом обязательно поешь гимн нашей великой страны...

Педичев*(тихо запекает)*. Союз нерушимый, республик свободных...

Фидель. Из всех гимнов на свете мой самый любимый гимн!

Педичев. ...Сплотила навеки великая Русь...

Фидель*(искренно, от души подхватывает)*. Да здравствует созданный волей народа великий могучий Советский Союз!

И вот уже они оба, отец и сын, во всю мощь запекают: «Славься отечество, славься свободное, дружбы народов надежный оплот!»

Фидель. О, отец!

Педичев*(мужественно продолжает)*. Славься народное, славься свободное...

Фидель. ...Все такой же, отец!

Педичев. ...Дружбы народов надежный оплот!

Фидель. ...Великий Аллах, как я боялся тебя не застать!

Педичев. Славься народное...

Фидель. Мне тебя не хватало, я тосковал!

Педичев*(разглядывает существо в парандже)*. Ну-ну, а зачем тогда убежал?

Фидель. Я тебе все объясню! Наедине, отец, если позволишь! Сколько раз представлял эту нашу встречу, про то, что я буду тебе говорить, и что ты на это ответишь...

Педичев. А чего тут ответишь – все ясно: предатель.

Фидель*(горячо)*. Ты что, обстоятельства, папа! Такие еще обстоятельства, папа!

Педичев*(дергая за паранджу)*. Это, что ли, твои обстоятельства?

Фидель*(тихо, одними губами)*. Это...

Педичев*(дергая, и дергая за паранджу)*. И ради вот этой ты – собственных мать и отца? собственных детей? собственную страну??.

Существо в парандже визгливо выкрикивает: «Сволич! Пилад! Ни трогать мая!», бьет старика по рукам и уходит в сторону.

Фидель. Ах, ты не жил на Востоке, не знаешь, как он прекрасен, глубок, возвышен... Какая там аура, запахи и соблазны... Какие видения, образы, мысли...

Педичев*(приблизившись к сыну почти вплотную и нахмутив брови)*. Ты, наверно, забыл, сынок: до того, как стать дворником разоренной России, я был министром культуры великой державы.

Фидель. Такое забудешь!..

Педичев. ...Членом советского правительства, членом ленинского политбюро!

Фидель*(со слезами)*. Папа, не рви себе сердце – забудем...

Педичев*(больно щиплет его за другую щеку)*. Оно уже порвано, гадина... Ах, ты, злодей...

Фидель*(пятится)*. Папа, прости...

Педичев*(все равно его щиплет)*. За себя я давно простил, это я, извини, за отчизну... *(Вдруг, выхватывает у Нюры из рук лопату и страшно замахивается)*. Ты ее погубил!

Фидель*(инстинктивно прикрывается руками)*. Честное слово, не я!

Клавдия. Пощади его, это не он! *(Кидается наперерез, прикрывая сына собственной грудью.)*

Фидель*(прячется за ее спиной)*. Мама, спаси меня, мама!

Клавдия. Мой сын! (*Падает в обморок.*)

Фидель. Мама! (*Успевает ее подхватить.*)

Педичев. Не допустил бы позора!..

Педичев(*роняет лопату, держится за сердце*). Ох, Нюра, Нюра...

*Внезапно в гостиную вливаются обкуренные в дым **Ваня** и **Рэйчел**. Должно быть, им чудится, будто они два огромных и страшных чудовища до-юрского периода: медленно, неуклюже перемещаются в пространстве и угрожающе рычат...Затемнение.*

К а р т и н а в т о р а я

*Спустя время, там же, в той же гостиной, за длинным обеденным столом. Во главе стола на стуле, похожем на трон, **Федор Кузьмич Педичев** в косоворотке и лаптях. **Клавдия Кастро**, одетая, как испанка, чувственно исполняет испанский романс под гитару **Франциско**, также приодетого, как настоящий испанец. Певица заметно преобразилась: алые губы, румяные щеки, красная роза в черных, как смоль, волосах, красное с черным платье. Восточные гости также переоделись с дороги: на **Фиделе** туника небесного цвета. Существо – в парандже серебристого цвета; из прорехи торчит длинный мундштук с длинной сигаретой. **Фидель** со слезами на глазах жадно поглощает горбушку черного ржаного хлеба. **Ваня** с **Рэйчел** похожи на двух утопленников: глаза закатились, нижние челюсти безвольно отвалены, тела обмякли, выражение лиц бессмысленно. Чемоданов не видно. Остался огромный футляр для контрабаса. На столе: хлебница с черным хлебом, возле каждой персоны – жестяные миски, деревянные ложки. Появляется **Нюра** с огромной кастрюлей дымящихся щей. Ставит на стол. Бывший министр культуры делает ей знак – та застывает с половником в руках. Но вот романс на излете.*

Фидель(*сильно и долго хлопает в ладоши*). Бра-во! Бра-во! Бра-во! Бра-во! Бра-во! Бра-во!..

Франциско с гаванской сигарой в зубах занимает свое законное место рядом с Клавдией. Между тем, Усяма, не обнажая лица, ритмично поглощает щи, аккуратно сдвигая край паранджи.

Фидель(торопливо подносит огонь). Прошу!

Франциско(с вежливой улыбкой прикуривает). Благодарю.

Фидель. Ох, какой вы талант, какой вы талант!

Франциско. Да? Какой?

Фидель. Просто очень большой!

Франциско. Да, пожалуй, нормальный.

Фидель(Клавдии.) Большой!

Клавдия. Уж не маленький, не приставай.

Фидель. Эти самые пальцы у него по струнам – пух-пух-пух, пух-пух-пух... Подумаешь, прямо, как тараканы...

Франциско(скромно). Могу еще побыстрее...

Фидель. Ай, молодец!

Франциско. Если Клава попросит...

Фидель(опять бисирует.) Бра-во! Бра-во! Бра-во! Бра-во! Бра-во!..

Рэйчел, вдруг, бьется в конвульсиях, вдруг, восстает и рычит, изображает страшное чудовище.

Клавдия. Еще нам тебя не хватало – садись!

Ваня медленно поворачивается и бессмысленно смотрит на нее.

Пусть ведет себя скромно – тут ей не панель.

Рэйчел, выставив когти, рычит.

Ваня(нелепо взмахнув рукой, шлепает *Рэйчел* пониже спины, тянет вниз, длинно выговаривает). Ступ-пай н-на п-пан-нель...

Рэйчел(дернувшись, стекает обратно на стул, произносит длинную фразу). Т-ты чи-во-оо?..

Ваня, махнув рукой, издает губами некий вибрирующий звук – воздержимся от определения, какой. **Фидель** мелко и весело хохочет.

Клавдия. Очень смешно. Иван, как не стыдно?

Ваня, как по заказу, производит целую серию подобных же звуков.

Фидель. Шутка – ха-ха... Очень хороший юмор: пух-пух-пух, пух-пух-пух...

Клавдия. У вас там, наверно, так шутят, у нас – так...

Ваня, как будто назло, трубит с утроенным энтузиазмом.

Педичев поднимается и отвешивает внуку подзатыльник.

Ваня, вдруг, вырастает и, выставив когти, рычит.

Педичев(тоже рычит и тоже выставляет когти). Порычи у меня – я тебе порычу! Костыли поотвинчиваю, щупальца повырываю, пупок натяну на череп, наглые зенки повытыкаю, зубы рассыплю, пасть порву!

Фидель(тут же становится между дедом и внуком).

Ребенок, отец! Да он пошутил так, отец! Ваня, сынок, ведь ты пошутил? Признайся дедуленьке: ты пошутил?

Педичев(тяжело глядя на внука). У, фашист, попался бы мне тогда...

Ваня(медленно стекает на стул, бормоча). Да п-паш-шел т-ты в паш-шёл, паш-шу-тил я...

Педичев. В войну вот таких вот ребенков я к стенке – и все!

Ваня. Паш-шу-тил я...

Педичев. До Берлина дошел, думал, гадов уже всех добил – ан нет: кишмят кишмя прямо тут, в моем доме, подумай...

Клавдия. Это кто, интересно, кишмит? Это ты на кого намекаешь?

Устало махнув рукой, Педичев медленно возвращается на трон.

Педичев(Фиделю, поглядывая на Усяму). Я ей самогонки налил – а она игнорирует. Что ли, больная?

Нюра(добавляет щей в миску Усяме). Милая, кушай от пуза. Капустка, морковка, лучок – с огорода, сами растили... Свининка – парная, вчера только с рынка...

Существо в парандже неожиданно подсказывает и со странной реакцией, напоминающей рвотную, уносится прочь.

Фидель. Усяма! *(Торопится следом.)* Усяма, прости!.. Вай-вай, за что это мне?.. *(Возвращается, держится за щеку, садится.)* Извините...

Педичев. Чего это с ней?

Клавдия. Тошнит человека – чего!

Педичев.*(по прежнему, принципиально, похоже, не реагируя на выпады Клавдии).* Тяжелая, что ли?

Клавдия. Какая бестактность!

Педичев(вдруг, ухмыльнувшись). Ладно. Франциско Ассизский, ты как?

Франциско(подсказывает, тянет кружку). Ассизский – пусть будет Ассизский! Гулять, говорят, так гулять!

Клавдия. Франциска, сидеть!

Франциско(умоляюще шепчет). Граммулечку, Клава, одну...

Клавдия. Нам с тобой на концерт, как ты можешь?

Франциско. Спокойно, ты знаешь меня...

Клавдия. Со вчерашнего дня.

Педичев. Ставь ближе, плесну... *(Подливает.)*

Клавдия. Он тебя спаивает – не понимаешь?

Франциско(*обаятельно улыбается*). Как в России плеснут – так нигде не плеснут! По-русски, от сердца, благодарю...

Педичев(*еще подливает*). Пей, мужик, не робей!

Клавдия(*старику*). Что ты делаешь?

Педичев. Будь мужиком!

Клавдия(*Педичеву*). Если мне хорошо – тебе плохо?

Педичев(*подмигивает Франциско, чокаются.*) Кто не с нами – тот против нас!

Клавдия с ревом выбивает у него из рук кружку, хватая несчастного за волосы, утаскивает прочь из гостиной. Тишина.

Нюра. Милым браниться – что тешиться.

Фидель. Дай Бог здоровья, маме в этом году... 98?

Педичев. На три года будет постарше меня.

Фидель. А тебе, папа, стукнуло...

Педичев. 98. Мог бы знать, сколько годков родному отцу.

Фидель. Маме – что, 101? Ну, по виду не скажешь...

Педичев. Знает секрет.

Фидель. Какой?

Педичев(*хитро усмехнувшись*). За любовь, что ли – как?

Нюра(*встает, поднимает кружку*). И вам того же, Федор Кузьмич.

Пьют. Из-за двери доносится вой человека-волка. Пошатываясь, возвращается в гостиную существо в серебристой парандже.

Фидель(*торопливо встает навстречу*). Как ты, Усяма? Нехорошо получилось – ай-ай... Я беспокоился, папа беспокоился...

Нюра. И я беспокоилась.

Фидель(*услужливо подставляя стул*). И Нюра, вот, тоже...

Усяма(*слабым шепотом*). Пилад...

Фидель. Усяма, прости меня, да?..

Нюра. Может, свеженьких щипшек добавить? Свининка парная, я даже ее не морозила, сразу в кастрюлю бросила...

Существо в парандже с той же реакцией, напоминающей рвотную, снова уносится прочь. Тишина. Рэйчел внезапно хватает Ваню за волосы, с визгом утаскивает под стол; оттуда, из-под тяжелой плюшевой скатерти, невянятно доносятся звуки непонятной борьбы, повизгивания, покрикивания, причмокивания, вздыхания и выдохи... Тишина.

Фидель(осторожно). Красиво сидим... Папа, скажи? (Вдруг, хлопает в ладоши и снова скандирует). Папе слово! Папе слово! Папе слово! Папе слово! (Тянется к отцу – обнять и поцеловать.)

Старик останавливает сына на расстоянии вытянутой руки.

Папа, стой так, умоляю!

Старик, в самом деле, застыл.

Картинка из детства, вдруг, вспомнил: как ты возвращался с работы... Усталый, но все же довольный... Мама на стол накрывала, а мы теснились вокруг тебя и умоляли спеть нашу любимую, революционную, папа... И как ты вот так же, по-ленински, скромно выставлял руку, чтобы мы вели себя потише...

Педичев. Когда это было, сынок?

Фидель(мгновенно наливаясь слезами). Вчера... Позавчера, я не знаю... Я так взволнован... Ужасно растроган...(Садится.)

Педичев. Мать правду сказала: ты, сын, постарел.

Фидель. Папа, я все объясню...

Педичев(берет в руки кружку, закрывает глаза, по-ленински выставляет руку и цитирует). Наш паровоз, вперед лети...

Фидель(негромко подпевает). В Коммуне остановка...

Педичев(*так же угрюмо цитирует*). Другого нет у нас пути...

Фидель(*со слезами в голосе*). В руках у нас винтовка...
(*Натурально с рыданиями устремляется к отцу.*) О, Аллах!..

Педичев(*одной рукой, но крепко прижимает сына к груди*).
Что, сукин сын, не забыл?

Фидель(*со слезами*). Повторял про себя эти строки – днем и ночью, ночью и днем...

Педичев(*слезы в глазах, скупно признается*). Ну-ну, я тоже скучал...

Фидель(*озираясь, вдруг, шепотом*). Я как скучал, папа – не рассказать...

Педичев. Когда из Кремля поперли – я на тебя пару лет сильно обижался... Вот, думал, сынок удружил...

Фидель(*шепотом, со слезами, на ухо отцу*). Меня же похитили, папа...

Педичев. ...Потом, когда страна обвалилась, я опять на тебя рассердился: эх, думал, из-за него! Я бы там был – я бы им не позволил! (*Вдруг, смотрит на сына.*) Как ты сказал: похитили тебя?..

Фидель. Папа, тише, прошу...

Педичев. Это кто же похитил?

Фидель. Я тебя умоляю...

Возвращается существо в серебряной парандже.

(*Вдруг, громко и весело*). Тост, тост! Папе слово! (*Хлопает в ладоши, скандирует.*) Па-пе сло-во, па-пе сло-во, па-пе, сло-во! Папа хочет сказать! Мы тебя ждали, Усяма, садись, пожалуйста! (*Усаживает существо за стол.*)

Педичев(*задумчиво разглядывает существо, поднимает кружку*). Времена наступили, скажу вам, такие...

Фидель. Плохие!

Педичев. Хреновые.

Фидель. Очень!

Педичев. Называется, дожили: только включаю вчера телевизионный канал Евроньюс – и слышу такое...

Фидель. Какое?

Педичев. Аж волосы дыбом!

Фидель. Аллах!

Педичев. Аукцион такой в Лондоне есть, называется Сотбис... Ньюра, слыхала?

Ньюра. Еврейское имя...

Педичев. Вот именно: Сотбис! Своими ушами!

Фидель(*встревоженно поглядывая на существо в парандже*). Да что там, на Сотбисе, папа?..

Педичев. Сам видел, сам слышал – и сам же ушам не поверил.

Фидель. Папа, уже говори!

Педичев. Целый, подумай, миллиард гребаных долларов сразу дают – начальная, говорят, цена! – за мумию вождя мирового пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина!

Фидель. Европа – всегда говорил – Содом и Гоморра!..

Педичев. Все у них продается, и все покупается!

Фидель. Не говори, папа: все на продажу!..

К а р т и н а т р е т ь я

В темноте загорается тонкий луч фонарика. Бегает по комнате, попеременно выхватывая: стол, диван, проч.

Франциско(*шепотом*). Рэйчел, ты где?.. (*Подходит к столу, прислушивается.*) Рэйчел, ты тут?

Из-под стола доносится невнятное бормотание.

Эй, ты слышишь меня?..

Рэйчел(*выползает из-под стола, заметно, под кайфом, смотрит мутным взором, язык заплетается*). Фэ-ффак...

Франциско(шепотом) Ты одна?

Рэйчел в ответ только потянула носом воздух – как хрюкнула.

Где фашист, тебя спрашивают?

Рэйчел в ответ, покачнувшись, хрюкает.

Ну, ты тоже лизнула, я вижу...

Рэйчел (вдруг, хнычет). Он-н с-сам всё-о сожра-ал...

Франциско. Ты узнала, где ход в Мавзолей? Отвечай, не качайся, прошу...

Рэйчел. В ма-авзале-ей им-мин-не тав-вар-рища Ле-энинаа?..

Франциско. Ну, ты нажралась, однако же, как у нас в Басконии говорят! Столько жертв, неужели все зря? Один любовный роман со столетней старухой мне стоил...

Рэйчел(бессмысленно ухмыляясь). С-старууу-хой...

Франциско. И русский фашист – я не знаю, что лучше...

Рэйчел. О-он хоро-оший...

Франциско. Рэйчел, кончай... Рэйчел, послушай... Ты, что ли, в него?.. (*Трясет ее.*) Не теряй головы... Для чего мы все это? Мы тут – для чего?..

Рэйчел. С-ссот-биссс, а-аукци...

Франциско(торопливо зажимает ей рот). Рэйчел, молчи, ты нас раскроешь...

Рэйчел(как назло, придушенно повторяет). С-ссот-бисс...

Франциско. Рэйчел, заткнись, наконец...

*Отворяется дверь. В полосе света появляется **Клавдия**. Ее не узнать: жидкие прядки седых волос, беспомощный старческий рот, черные очки. **Франциско** при ее появлении тут же выключает фонарь и отступает с **Рэйчел** в объятия тени.*

Клавдия(старчески шамкая, близоруко прищурившись). Идет бычок качается... Вздыхает на ходу... Ох, доска

кончается... Сейчас я упаду... (*Игриво запекает.*) Где мой бычок?..

Франциско(*откликается как бы издалека*). Чок-чок...

Рэйчел хрюкнула.

Клавдия(*приставляя ладонь к уху*). Хряк... хряк...

Франциско. Чок-чок...

Клавдия(*издает маленький дребезжащий старушечий смешок*). Я не слышу...

Франциско. Ло-ожи-ись, чок-чок, я иду-уу...

Клавдия(*беззубо заулыбалась*). Куда мне, в постельку, чок-чок?..

Франциско. В неё-о...

Рэйчел хрюкнула.

Клавдия(*кокетливо*). Хряк-хряк...(Скрывается.)

Франциско(*светит Рэйчел в лицо и бормочет*). Бабулька – зверюга... две пачки снотворного – ей, как слону дробинка...

Рэйчел виснет на нем, хохочет и хрюкает; гаснет фонарь.

Ну, Рэйчел, кончай, ты меня огорчаешь... Я тут не могу... Нас раскроют, и этим закончится... Рэйчел... опомнись, прошу...

Из темноты доносятся женский хохоток, похрюкивания и слегка придушенный мужской голос.

Столько готовились, столько прошли... Столько учили великий могучий... Вживались в образы... (*С тоской озирается по сторонам.*) Где этот чертов туннель в мавзолей, хотя бы намек...

Рэйчел. С-сот-бисс...

Франциско(*зажигает фонарь*). Вспомнила?

Рэйчел(делает страшное лицо). С-сот-бисс!.. (Направляется к трону и силится сдвинуть его с места.)

Франциско(шипит). Зачем ты, ломаешь, ты что?

Рэйчел(буквально виснет на троне, который не поддается). Пам-маги-и...

Франциско(оттаскивает ее от трона и шепотом молит). Подожди, умоляю, там кто-то... (Выключает фонарь.) Я прошу тебя, ну...

В темноте слышно, как Рэйчел мычит. Два луча выхватывают фрагменты гостиной. Фидель и Усяма пробираются к трону.

Фидель(шепотом). Тут, хозяин... точно, я вам говорю...

Усяма. Твоя знает уверен?

Фидель. О, великий Усяма бен Мухаммед Бен Аван Бен Ладен!..

Усяма(резко бьет его по щеке). Скёлкя можна твая гаварит – не гаварит мая имя?

Фидель(тут же падает ниц и целует обувь Усямы). О, хозяин, я ваше имя произношу исключительно из чувства глубочайшего почтения!..

Усяма(пинает его). Виставать!

Фидель. Недостойн, не встану...

Усяма. Виставать, евнухь такая!

Фидель(торопливо поднимается, светит). Повинуюсь, великий господин...

Усяма. Велики – адин Аллях... Я – жяльки раб у наши Аллях, панимаишь?.. (Достает из черной сумки дрель, отвертки, гаечные ключи.)

Фидель. Раб – но какой! Из рабов – величайший! Умнейший! Щедрейший! Никогда не забуду, как вы на невольничьем рынке в Багдаде целых три грёбаных доллара не пожалели за ничтожнейшего из людей!

Усяма. Мая жалеет тепер: за твая три грёбаный доллар многа дават!

Фидель. Еще несколько чудных мгновений, хозяин, и три ваших грёбаных доллара превратятся в зеленое море!

Усяма. Твоя очон берегис, если мая абманывать делит...

Фидель. Мой хозяин сам убедится, как его раб предан своему хозяину, как он хочет угодить своему хозяину...

Усяма*(опускается на корточки возле трона).* Толка папроби мая не угадить делит... *(Включает дрель.)*

Фидель*(шипит).* Тише, хозяин, прошу, не так громко...

Усяма*(замирает).* Твоя гаварит правда: шумет нехарашё. *(Достает из кармана вату, затыкает себе уши.)* Вси нада делит тиха, ни громкя! *(Снова включает дрель.)*

Фидель*(снова его останавливает).* Нас могут услышать, хозяин...

Усяма*(извлекает вату из ушей, откладывает дрель в сторону).* Мая панимаит. Миного не гавари. Килюч на шишнадцат хачу.

Фидель*(торопливо нагибается к сумке, подает ключ).* Прошу вас, почтеннейший...

Усяма тут же бьет его этим ключом по голове – **Фидель** тихо вскрикивает.

Усяма. Мая папрасиль килюч на шишнадцат!

Фидель с опаской протягивает другой ключ, и снова получает по голове, и опять вскрикивает. **Усяма** смеется.

Такая тупой, там нет ета килюч... *(Сам светит фонариком внутрь сумки.)* Тама ест развадна килюч... *(Сам находит разводной ключ, отвинчивает гайку.)* Фанари свити, идиёта... Мались Аллях, если ты мая обманут...

Фидель. Как я, хозяин, мог вас обмануть, вы знаете, как я вас уважаю...

Усама*(трудится).* Мая пилеват хател на твоя уважжения...

Фидель (*шепотом*). Я помню, я был еще маленьким... За этим столом собирались члены правительства...

Усяма. Фанарик свити, евнух, да?

Фидель. Слушаюсь, господин... Кушали, пили... В общем, решали проблемы страны...

Усяма. Лютча свити, сволич, да?

Фидель. Да, хозяин... Так вот... А на троне всегда восседал дядя Лёня... Для всех, разумеется, генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, а для меня...

Усяма(*рассеянно откликается*). Пилад...

Фидель. ...А, лично, меня дядя Лёня сажал на колени, отчески чмокал, дарил леденцов... Мы болтали о всяком... Бывало, в четыре руки игрались с ядерным чемоданчиком: симулировали атаку на Америку...

Усяма. Амэрикия – мая настоящая вряг...

Фидель(*ностальгически*). ...А после стакана, другого дядь Лёня сворачивал чемоданчик и торжественно так говорил: я себя, говорил, под Ленина чищу! И папа, и прочие члены политбюро, как один, повторяли: я тоже, я тоже! (*Грустно вздыхает.*) Все хотели быть чистыми – как Ленин...

Усяма(*трудится*). Ани чито, били грязни?

Фидель. Так это звучит по-русски, хозяин: чистыми, как Ленин, – значит, хорошими, как Ленин...

Усяма(*силится сдвинуть трон с места – не удается*). Дядя Лёнь, гавариш... биль харёши?

Фидель. Он был не хорошим, хозяин, – он был очень хорошим, хозяин!

Усяма(*с ожесточением раскручивает гайку*). Пилад...

Фидель. После чего все члены ленинского политбюро крепко, по-мужски целовались и, гуськом, по одному ползли туда, к Ленину в мавзолей...

Усяма(*силится сдвинуть трон с места*). Памаги мая, сволич такой...

Сдвигают трон, открывается люк. Молчат.

Усяма. Пашёль.

Фидель(испуганно на него смотрит). Куда?..

Усяма. Твая перьви, мая за твая.

Фидель(пятится). Я – первый?..

Усяма достает из-под паранджи плетку.

Но, хозяин... я очень боюсь мертвецов... я, хозяин...

Усяма. Пес... (*Оттягивает его плеткой.*)

Фидель. Ай... (*Убегает в тень.*)

Усяма(отыскивает его фонариком в темноте и оттягивает плеткой). Евнухь... Ишякь... Пракляти шякаль...

Несчастный скопец, «ойкая и яйкая», мечется по комнате, пока не исчезает в вечной дыре. Усяма скрывается следом. Возникают, ведомые тонким фонарным лучом, Франциско с Рэйчел. И тоже лезут в подпол. Зажигается яркий свет. Педичев в нижнем белье, Нюра в ночной рубашке до пола.

Нюра. Федор Кузьмич, будем брать?

Педичев. А то!..

Свет уходит. Тут самое время сменить обстановку.

К а р т и н а ч е т в е р т а я

В холодном свету мавзолея имени В.И. Ленина на постаменте в гробу аккуратно лежит, как живой, сам Ильич. Слышно, куранты гулко бьют полночь. С последним ударом вождь мирового пролетариата резко садится. Приличный по виду из гроба костюм на нем моментально превращается в лохмотья; трижды громко чихает и высмаркивается в свой знаменитый галстук.

Ильич(наконец, отчихавшись, ежится и бормочет заиндевелыми губами). Будь здоров, будь здоров, будь здоров... Хотя, о каком тут здоровье... Злая насмешка и только!.. О-о, ненавистный склеп, дом скорби, узилище пламенного революционера... обитель уныния и тоски... Мавзолей... пирамида... бездарный кубизм в бетоне и мраморе... чертово изобретение товарища Джугашвили-Сталина, можно сказать, десятый круг ада... (*Вытягивает перед собой руки, разглядывает лохмотья.*) Даже товарищу Данте Алигьери... выдающемуся поэту итальянского возрождения такое и в голову не приходило...

Спрыгивает на пол, ёжится, встряхивается, помахивает руками, изображая физические упражнения, и неуклюже попрыгивая на месте.

О, порождение огненной гиены... исчадие ада... о, воплощенное зло!
 Выпотрошил меня до кишок, как пасхальную курицу, или рождественского гуся, и выставил тут для всеобщего обозрения!
 Как хищного злобного зверя в зверинце!
 Как какого-нибудь закоренелого преступника у позорного столба!
 Как распутную девку для публичного покаяния!..
 Тот ли я нынче, кого не сломили аресты и тюрьмы?
 Холод, голод и лишения?
 Беспросветные дни и годы вынужденной эмиграции в Лондоне и Париже, Женеве и Варшаве?
 Безрадостное прозябание в землянках и шалашах?
 Тот ли я ныне, что рьяно возглавил и совершил Великую Октябрьскую Социалистическую революцию?
 О, я не тот!..
 Уж лучше распял бы, как Понтий Пилат распял Иисуса Христа! Чем я не Христос?

Или отправил бы на гильотину – куда Максимилиан Робеспьер отправил Жорж Жака Дантона! Чем я не Дантон? Или четвертовал бы – как Екатерина Вторая четвертовала Емельяна Пугачева на Болотной площади... Все лучше – чем зябнуть в холодной обители и сгорать от стыда на виду миллионов рабочих, крестьян и примкнувшей к ним трудовой интеллигенции. Однако же, холодно, брр...

Осторожно приподнимает тяжелую полу красного бархата, ниспадающего с постамента, достает бутылку шотландского виски.

Посмотрим-ка, что мне... (*Разглядывает бутылку.*) Вот... дар от шахтеров угнетенной Шотландии... виски... с клопами... Написано, что помогает... от бесплодия... (*Откупоривает, прикладывается; еще прикладывается; возвращает бутылку на место, откуда взял, достает шампанское, с удовольствие разглядывает.*) Шампанское, о, из Парижа! Поля Елисейские, девочки – ах! (*Извлекает сало на свет и принюхивается.*) О-це дило... с ридной нэньки Украины... свиноферма имени меня... який шмат сала... А запах!.. (*Достает еще и диковинную бутыл, вытаскивает пробку, принюхивается.*) Хванчкара от виноделов города Гори... (*Прикладывается.*) Родины генералиссимуса... (*Еще прикладывается.*) Покуда мы тут куковали вдвоем вечность с Иосифом Виссарионовичем Сталиным-Джугашвили, дня не проходило без Хванчкары, Мукузани, Киндзмараули... И закуска была – превосходная! Лоббию, припоминаю... Мы еще спорили: с одним «бэ» лоббию или с двумя... Я говорил, что с одним, он же настаивал на двух... Лоббию! Впрочем, ему виднее... А сациви, заметить тут, с курицей – форменное архиобъедение!.. Чахохбили, хинкали, аджап-санда!.. (*Грустно вздыхает.*) После, будь он неладен, XXII-го съезда Коммунистической Партии Советского Союза меня уже так тут не балуют – жаль!..

Умолкает внезапно и прислушивается.

Эти шорохи сводят меня с ума... Крысы, должно быть, кремлевские...

Еще прислушивается.

Впрочем, шаги... Кто бы это мог быть?.. Ах, до чего я устал!..

*Спешно возвращает дружеские дары обратно, запрыгивает в гроб, приводит в порядок одежду и замирает в привычной позиции. Из какого-то невидимого угла на свет, наконец, выползает на четвереньках **Фидель** с футляром от контрабаса.*

Фидель(громко шепчет). Хозяин, сюда!.. Сюда, сюда, хозяин!..

*Из той же щели выползает на четвереньках существо в парандже – **Усяма**, поднимается было и немедленно падает перед гробом с воздем мировой революции ниц.*

Усяма. О, вилики Аллях, мая ни верить своя глязя...

Фидель. Хозяин, хозяин, нам следует очень поторопиться...
(*изо всех сил силится поднять его на ноги.*)

Усяма(*отталкивает его и опять простирается ниц, и только приговаривает*). Виликий Линин... виликий Линин...

Фидель. Хозяин-хозяин, вы тоже великий... вы самый великий, хозяин, после Аллаха!

Усяма. Ни трогяй велики Аллях своя грязни рот!

Фидель. Хозяин, не буду!

Усяма. Нисчастни скапец, твая мат... (*Поднимается и достает из-под паранджи мешок.*)

Фидель. Счастливый...

Усяма. Ти хочиш мая паправлят?

Фидель. Я очень счастливый, хозяин, исключительно потому, что служу вам, о, хозяин!

Усяма. Папроби ни служит!

Фидель. Я даже пробовать не хочу, о, хозяин!

Усяма. Евнухь такая, минога не гавари!

Фидель. Молчу!

Усяма. Лютча мальчи па-харёший и бири Линин харашё два рюка, и киляди на мишёкь!

Фидель открывает футляр контрабаса, опасливо приближается к гробу, поднимает вождя мировой революции на руки.

Аллях видить, если будиш уронить Линин, сволич такой, я твая будит убиват...

Фидель(торопливо кружит на полусогнутых вокруг контрабаса с **Ильичем** на руках). Великий Аллах, вай, ой, вай... Он туда не поместится, мама... (*Возвращает мумию обратно в гроб.*) Я думал, он меньше, хозяин... О, я был уверен, хозяин... Как назло, как боялся – и так получилось: маленький футляр... Самый большой оказался совсем маленький... (*Сбрасывает с плеч рюкзачок, ставит на пол, расшнуровывает*). Хорошо еще, я все предвидел и прихватил...

Усяма(явно не понимает, в чем проблема). Чито гавариш, сволич такой?

Фидель. Гениальные, к слову, слова: безвыходных ситуаций не бывает! Между прочим, хозяин, ваши слова!

Усяма. Мая твоя не панимаит...

Фидель(наконец, извлекает пилу-ножовку). Таможня, паспортный контроль, взвешивание багажа... Ручная кладь – только восемь кило... Сейчас очень строго, хозяин: не больше восьми... Вам восемь, мне – восемь, получается шестнадцать... А я так чувствую, вождь будет потяжелее...

Усяма. Твоя бирот восем в своя рука, моя бирот восем в моя рука, асталной кило багажь – на багажи палажит будим!

Фидель(*чуть не плачет*). Да как? Он же целый, хозяин! Может, нам его как-то... (*Проводит тупой стороной ножовки по животу.*) Ну, не знаю, ну, как-то... Ну, как вы умеете?..

Усяма(*грозно*). Чито хочиш сказат – гавари.

Фидель(*смущенно-стыдливо*). Ну, как вы обычно... Обычно с врагами, хозяин... (*Жест, изображающий отделение головы от туловища.*)

Усяма. Линин мая ни враг.

Фидель. Для дела, хозяин, для ради... Ну, ради светлого будущего народов Ближнего Востока! Ради окончательной победы над американским империализмом! Ради...

Усяма. Линин – мая харёший ест бряат, твая панимаиш?

Фидель. Как брата, хозяин, а что?.. (*Жест ножовкой, изображающий отделение отдельных человеческих частей туловища один от другого.*)

Усяма. Как можьна, твая такая шыкал, ризать своя бряат?

Фидель. А как же ваш брат ибн Ваджди от четвертой жены вашего отца, да будет благословенна в веках его память? А ибн Баррак, ваш брат от семнадцатой жены вашего отца, да сохранится имя его в сердцах благодарных потомков? А ибн Ясир от двадцать четвертой, а ибн Фаттах от сорок второй, а ибн Юнус от а ибн...

Усяма(*замахивается – Фидель приседает*). Замальчи такой сволич! Ни нужна такой гаварить! Бряат папа-мама – ни твая бряат! Бряат папа-мама – твая враг! Кто твая душа панимаит харашё – твая настоящи ест бряат!

Фидель. Я вас так хорошо понимаю, хозяин!

Усяма(*отнимает пилу и не на шутку замахивается*). Мальчи!

Фидель. Ой!..

Усяма. Вилики Аллях ест свидетел – Линин моя настоящи бряат, нисчастни урёд!

Фидель(*ползет-пятится на четвереньках*). Я счастливый...

Усяма. Призренни кястрыт...

Фидель. Я люблю вас, хозяин...

Усяма. Паследни дирмо...

Фидель. Обожаю...

Усяма. И дажи смирдиш, кяк дирмо!

Фидель. Я больше не буду...

Усяма. Виставай на нога!

Фидель. Я, хозяин...

Усяма(замахивается). Виставай, гаварят, твая бедни мат!

Фидель(в ужасе восстает). Не-ет!..

Усяма(всучивает ему ножовку). Пили, давай, Ленин, сволич такой!

Фидель. Великий Аллах...

Усяма. Минога не гавари, да?

Фидель. Да...

*Нетвердой походкой **Фидель** направляется к гробу, брезгливо, двумя пальцами берет руку вождя мировой революции и нерешительно проводит пилой. Из той же дыры на свет выползают **Франциско** и **Рэйчел**. **Фидель** роняет пилу, отступает от гроба.*

Франциско(весело). А вот и попались, камрады!

Рэйчел(заметно, все еще пребывает под воздействием наркотиков). Паппалис-с...

Франциско. Ограбление века, гляди!

Рэйчел. Паппалис-с...

Франциско. Багдадский вор! Восточный экспресс! Тысяча и одна ночь!

Рэйчел. Паппалис-с...

Франциско. А я, между прочим, все понял, когда вы друг с дружкой переглянулись – вот так...(Вертит головой и значительно подмигивает.) Когда дед про «Сотбис» обмолвился, и про целый миллиард грёбанных долларов...(Подмигивает.) Вот так... Что, разве не так?.. (Замечает пилу, поднимает, удивленно.) Ай-ай, расчленители тел, некроформы, маньяки...

Фидель(растерянно). Великий Аллах...

Франциско. Я хочу вам напомнить, друзья, если вы позабыли: Сотбис – аукцион! Это вам не блошинный рынок в Багдаде, где вождя мировой революции оторвут – ноги отдельно, руки отдельно. Там до мочки на ушке, до ноготка на мизинце, до волоска в бороде, будьте уверены, пересчитают и, не дай Бог, если не досчитаются... Да кто его купит у вас?

Фидель(*пребывающий в крайнем замешательстве*). Интересно... кто вы такой?..

Франциско. Твой приемный отец – ты забыл? Так что можешь со мной на «ты».

Фидель. Не понимаю, откуда ты взялся?..

Франциско(*не без гордости*). Многострадальная, истерзанная, но гордая, однако же, страна басков! Наверно, слышали?

Фидель(*с опаской оглядываясь на Усяму*). Еще бы, знаменитые бакские террористы...

Франциско(*морщится, как от кислого*). По-хорошему вас умоляю не уподобляться ненавистным испанским угнетателям. Революционеры!

Фидель. Вообще-то я это имел...

Франциско. Я – Франциско, короче, что в переводе с прекрасного бакского языка на восхитительный русский означает – свободный! (*Озирается по сторонам.*) Рэйчел, ты где?

Рэйчел(*протяжно повторяет*). Т-ты где-э?..

Франциско. Вот она, собственной персоной нежная и целомудренная дочь многострадальной Ирландии! Северный Ольстер, ИРА, религиозная рознь... (*Неопределенный жест.*)

Фидель(*подавленно*). Кто же не слышал про Северный Ольстер...

Рэйчел. С-северный Оольсте-ерр!..

Фидель. Однако же, вы хорошо говорите по-русски.

Франциско. Ничего удивительного: на нем разговаривал Ленин!

Рэйчел. Л-лэ-эни-ин...

Франциско. А вы, извиняюсь, кого представляете?

Фидель. Мы...

Рэйчел. А в-вы-ы?..

Фидель(*то и дело с опаской поглядывая на Усяму*). Мы с хозяином, в общем... Как бы сказать, представляем... Если одним словом – глубоко угнетенные народы Ближнего Востока...

Франциско. Как глубоко?

Фидель(*озираясь на Усяму*). По самое, знаете – дальше по-моему некуда!

Франциско(*полон сочувствия*). Больно, наверное?

Фидель (*озираясь на Усяму*). Невыносимо!

Франциско. Понимаю!

Фидель(*чуть не плачет*). Подполье, борьба и лишения – мало удовольствия от жизни.

Франциско. Какая же это жизнь – если без удовольствия!

Фидель(*со слезой в голосе*). Это не жизнь...

Франциско(*вдруг, импульсивно привлекает Фиделя к груди*). Вообще я скажу тебе, сын: не понятно: как жить!

Фидель(*уже не сдерживая слез*). Приемный отец!..

Франциско. Ты не плачь, мы еще, сын, поборемся, мы... Обрати свой измученный взор: наконец-то, восстали и пришли в движение после многовековой спячки тектонические пласты народного негодования... Там и тут, как грибы, выползают из грязи все новые, и новые формирования униженных и оскорбленных...

Фидель(*робко подтверждает*). ИГИЛ, запрещенный в России...

Франциско(*кивает*). Не только ИГИЛ, и другие не хуже!..

Фидель(*с опаской поглядывая на Усяму*). Алькайда...

Франциско(*нетерпеливо*). Алькайда, ИГИЛ...

Фидель(*торопливо*). Запрещенный в России...

Франциско(*загибает пальцы*). Еще посчитать, не забыть: фронт ирландских националистов, шотландских, фламандских, фронт бакских сепаратистов...

Фидель. Ансар аль Ислам фронт, фронт ан-Нусра, фронт Фатх-аль-Ислам, фронт Джейш аль-Ислам...

Франциско. ...Национальный французский фронт!

Фидель(*кажется, не силах остановиться*). ...Фронт Хамас аль-Ислам, фронт Хезболла аль-Ислам, фронтовые бригады аль-Кудс-аль-Аббас...

Франциско. ...Фронт немецкого возрождения, фронт Финляндия для финнов, фронт Швеция для шведов, фронт Норвегия для норвежцев, фронт Голландия для голландцев...

Рэйчел. Ф-франт-тыы!..

*Из пролома в стене, между тем, выползают по одному: **Педичев, Нюра**, одетые в форму красноармейцев времен Гражданской войны 1918-20гг., в обмотках и лаптях, с винтовками наперевес, **Клавдия Кастро** в прелестном испанском наряде с гитарой в руках да обдолбанный **Ваня** с лающим и дико рычащим человеком-волком по имени **Сад** на коротком поводке.*

Ваня(едва удерживая человеко-зверя). Сад! Не рви когти, братишка! Сад, Сад!

Педичев(целится в сына, истошно орет). Стоять! Не касаться святыни! Ух, буду стрелять!

Ваня. Я кому сказал, Сад!

Нюра(тонюсенько голосит). Ух-ух, сейчас буду стрелять! (И целится прямо в **Усяму**.)

Ваня. Сад!

Клавдия(заносит гитару над головой **Франциско**). Когда на том свете спросят, кто тебя убил – назовешь мое имя: Клавдия Кастро! Народная артистка Советского Союза!

Педичев. Всех убьем, на могилке напишем: тут без мира хоронятся бывший мой сын, предатель социалистического отечества без имени и фамилии, и также отъявленный душегуб по кличке Усяма, взрыватель невинных людишек и башен Близнецов!..

*Сад дико рычит и рвется с поводка – **Иван** с трудом его удерживает.*

Фидель. Папа, поверь мне, он плакал слезами, когда их взрывал – я сам видел!

Педичев. Крокодиловы слезы, знакомо!

Фидель. Как невинный ребенок, он плакал! Плакал, взрывал, плакал, взрывал!..

Педичев. Мало, врага в отчий дом запустил, так еще и в святая святых – мавзолеей?

Фидель(*воскликает в отчаянии*). Усяма меня попросил – я не мог ему отказать!

Педичев. Великую тайну, можно сказать, за семью печатями – продал!

Фидель. Папа, бесплатно!

Педичев. Обидно!

Фидель. Не мог отказать!

Педичев. Честное большевистское слово, я тебя породил, я тебя и!..

Сад рванулся и злобно залаял.

Усяма(*неожиданно сбрасывает паранджу и разом оказывается в исподнем; опутанный с головы до ног проводами с мигающими лампочками, он похож на маленькую электростанцию*). Всих взираю на фуй, киланус виликий Аллях!

Фидель(*растерянно-радостно*). Хозяин...

Усяма. Мая ничиги ни байца, пилад!

Франциско. И моя ничего не боится, камрады! (*Сдирает галстук-бабочку с шеи и рвет на себе сорочку, обнажая торс, увешанный гранатами.*)

Ильич (*должно быть, поддавшись общему порыву, восстает в гробу и восклицает со слезами отваги на глазах*). Я тоже уже ничего не боюсь, товарищи!

Все, кто был, включая человека-волка, в истинном смысле этого слова одномоментно пали на колена.

Сколько лет я томился, тревожился и трепетал! Сколько лет страхов, тоски, одиночества! Всеми оставленный, преданный всеми и не преданный земле, восстаю, вдруг, подобно тени отца Гамлета после полуночи, и скорбно и неприкаянно слоняюсь по Мавзолею до первых петухов! (*Скорбно вздыхает.*) До сих пор я влачил и терпел в ледяном сакофаге, и только мечтал о том дне, когда я понадобится снова! Когда меня заберут хоть куда-то отсюда!.. Что угодно и лишь бы куда, но только не тут, умоляю! Лежать, сложа руки, в гробу – товарищи, не для меня! Не мое это дело, товарищи! (*Спрыгивает на пол, пожимает руки товарищам.*)

Здравствуй, Ленин... Владимир Ильич... Ленин...

Клавдия(*радостно*). Клавдия Кастро, народная артистка...

Ильич. Бога ради, вставайте, товарищ, такая вы женщина, ах!

Клавдия(*поднимается*). Какая?

Ильич. Многоцветная! Жгучая! Яркая! Как две капли воды, похожи на революцию!

Клавдия(*вся зардевшись*). Я?..

Ильич. Эх, был бы я вашим отцом, я бы вас верно назвал: Революция!

Клавдия. Ах, назовите, не поздно еще: Революция Кастро, народная артистка СССР!

Ильич. Еще слаще на слух: Мировая Революция! Вслушайтесь только в это волшебство звуков: Ми-ро-ва-я Ре-во-лю-ци-я!

Клавдия(*высоко запекает*). Мировая Революция Кастро, народная артистка СССР!

Ильич. Дивный голос... спасибо... бодрит, и весьма... (*Франциско.*) Вы, товарищ...

Франциско. Камрад...

Ильич. Поднимайтесь, камрад! В переводе – товарищ, насколько я помню, с испанского?

Франциско. Друг, товарищ и брат! (*Восстает.*)

Ильич(*растроганно*). Хорошо!

Франциско. Хорошо!

Ильич. Как по-вашему, призрак, скажите-ка мне, коммунизма все еще бродит по нашей старушке Европе?

Франциско. Бродит, Владимир Ильич!

Ильич(*не на шутку возбудившись*). В чем, скажите-ка мне, выражается это, товарищ?

Франциско. Во всем!

Ильич. Хорошо!

Франциско. Хорошо!

Ильич. Вот и я говорю: хорошо!

Франциско. Вот и я говорю!

Ильич(*подхватывает*). Хорошо! Хорошо-хорошо! Хорошо!.. (*Переходит к Фиделю, с удовольствием разглядывая опутанного проводами Усяму*). Вы, товарищ, я вижу, с Востока?

Фидель. С него, Владимир Ильич!

Ильич. Что, товарищ, пылает Восток?

Фидель. Пылает по-ленински Ближний Восток!

Ильич. Хорошо! Пусть горит!

Фидель. Пусть горит, Владимир Ильич!

Ильич(*протягивает руку Усяме*). Ах, голубчик, вставайте с колен. Я не Бог, и не царь, и не судья... Вашу руку, товарищ с Востока!

Фидель. Хозяин...

Усяма(*сквозь зубы*). Мая панимаит, мальчи... (*Со странной улыбкой принимает руку вождя и поднимается с колен.*)

Ильич(*по-ленински, вдруг, прищурившись*). Товарищ, скажите, мы прежде встречались? Мне ваше лицо отчего-то знакомо... Может быть, в одна тысяча девятьсот третьем году на Втором съезде РСДРП, в Брюсселе? Или в Лондоне – это возможно?

Фидель(*радостно*). Возможно, Владимир Ильич! Хозяин мне сам признавался, что в прошлых своих воплощениях обязательно был пламенным революционером. Ведь – правда, хозяин?

Усяма. Пиравда...

Ильич. Старый, испытанный друг, надежный товарищ по революционной борьбе! (*От души пожимает усямину руку.*)
Архи-рад!

Усяма. Линин ест харёши мая бря-ат...

Ильич. И голос теперь узнаю, и милую сердцу подпольную привычку слегка коверкать слова.

Фидель. Обнимитесь!

Ильич. А что! (*Растроганно и с удовольствием прижимает к груди Усяму.*)

Фидель. Облобызайтесь!

Ильич. А что! (*Трижды с удовольствием лобызает Усяму.*)
А что, дорогие товарищи, что, мировая революция не за горами?

Фидель. Не за!

Франциско. Ох, не за!

Рэйчел(*по-обезьяньи запрыгивает на гроб и рычит*). Не-э з-зааа!....

Ильич(*шагает на месте*). Я даже чувствую сердцем... ее чугунную поступь!

Франциско(*шагает*). И я тоже чувствую: пам! пам! пам! пам!

Рэйчел(*шагает в гробу*). Пам-м! пам-м! пам-м!

Франциско(*шагает*). Пам! пам! пам! пам!

Ильич (*шагает и машет Педичеву рукой*). Кто не с нами, тот против нас! Товарищ, вы с нами?

Педичев(*встрепенулся и зашагал*). Да с вами, я с вами, Владимир Ильич!

Ильич. Хорошо, на Европу! На Ближний Восток!

Все: На Европу! На Ближний Восток! Хорошо!

Ильич. Мы! на горе! всем! буржуям! Мировой! пожар! раздуем!..

*И вот уже все шагают с ним в ногу, и **Рэйчел** шагает, стоя в гробу, и все хором подхватывают и повторяют: «Мы! на горе! всем! Буржуям! Мировой! пожар! раздуем!..»*

Ильич(чеканит шаг). Мировой пожар в крови!
Все(чеканя революционный шаг). Господи, благослови!..

К а р т и н а п я т а я

Там же, в Мавзолее. Гроб вождя чудесным образом трансформировался в стол, заставленный виски, шампанским, вином, ананасами на серебряных подносах и хрустальными вазами с фруктами.

Ильич(стоя во главе импровизированного стола с вознесенным бокалом; заметно, навеселе). Товарищи революционеры!

Фидель. Мы здесь!

Ильич. Впервые за много лет... Откровенно признаюсь, волнуюсь... Я даже, признаюсь, на первом свидании с Наденькой так не волновался...

Фидель(*Усяме*). С Надеждой Константиновной Крупской, хозяин, он говорит, так не волновался!

Усяма. Пилад...

Ильич. ...Архи-значимый день у меня сегодня, товарищи! Все потому – что сегодня я пью не в одиночестве, ура!

Все. Ура-а!

Ильич. Пью в компании таких же, как я, пламенных революционеров – ура!

Все. Ура-а!

Пьют. Наполняют бокалы.

Фидель(шепчет *Усяме*). Вы не русский, хозяин, вы кушайте, вы не смотрите на русских...

Усяма(жалобно). Ни кушит мая свиня...

Фидель. Хотя бы конфеткой заешьте... (*Протягивает ему конфету.*)

Усяма(капризно *отмахивается*). Ни хочит мая, кястрыт...

Фидель(*соглашается тут же*). Хорошо-хорошо...

Ильич(*поднимает бокал*). А что, хорошо! Какое-то время мы тут с товарищем Сталиным-Джугашвили безрадостно пили, что нам приносили – в общем, пока его не сожгли на костре XXII-го съезда КПСС.

Педичев. Эта подлая сука Хрущев...

Ильич. Целиком разделяю и поддерживаю: самая настоящая политическая проститутка! Сталин, положим, тоже не сахар – но мы с ним, по крайней мере, революцию совершили! Великую, кто позабыл, Октябрьскую Социалистическую! И государство, чтоб было понятно, первое в мире рабочих и крестьян, и разом примкнувшей к ним трудовой интеллигенции!

Педичев. Вот и я говорю: эта сука Хрущев – он чего совершил?

Фидель. Ничего!

Педичев. Только всех обосрал!

Ильич. Золотые слова! Бывало, являлся к нам после полуночи и обпивал!.. И даже бывало, что нам не хватало!.. Ругался, как помню, мочился на гроб!.. И блевал по углам!.. Мавзолей кукурузой грозил засадить!..

Педичев. Теперь мне понятно!

Фидель. Что, папа?

Педичев. Ты помнишь, наверно, я тут прибирал до того, как меня подрядили в министры культуры СССР и члена ленинского политбюро Союза Советских Социалистических Республик?

Фидель. Я помню, как будто сегодня!..

Педичев. А я-то еще удивлялся: да кто тут так гадит!..

Ильич. А этот бокал я, товарищи, поднимаю за нашу любовь...

Клавдия(*мгновенно подхватывает и запекает*). За любовь!

Ильич. ...К мировой социалистической революции, товарищи!

Все. Ура-ааа!

Пьют. Наполняют бокалы.

Ильич(*поднимает бокал*). А, кстати, какой нынче день на дворе, товарищи?

Фидель. 25 ноября, Владимир Ильич!

Ильич. Хорошо! Тогда будет правильнее: за великую ноябрьскую социалистическую мировую революцию, ура!

Все. Ура-а!

Пьют. Наполняют бокалы.

Педичев. Нюра, слыхала, дожили с тобой!

Нюра. Слава богу, Федор Кузьмич!

Ильич (*поднимает бокал*). Предлагаю, товарищи, тут же, пока горячо, поднять тост за первое в мире всемирное правительство во главе с председателем...

Все. Ура-а!

Ильич(*хитро прищурившись*). Федор Кузьмич!

Педичев. Я, Владимир Ильич!

Ильич. Интересно, а кто председатель?

Педичев(*зардевшись*). Ну, я...

Ильич(*демонстрирует кукиш и весело хохочет*). Я, голубчик, а вы – заместитель!

Педичев. Так я ж разве против, я – за...

Ильич. Так-то лучше!

Фидель. А мне можно должность, Владимир Ильич, в высоком правительстве мира?

Ильич. Можно, голубчик, а как же без должности! Весь, полагаю, что Ближний Восток – ваш, товарищ!

Фидель. А Дальний?

Ильич(широким жестом). Берите и Дальний!

Фидель. Вот, правда, большое спасибо...

Ильич. Пожалуйста! (*Икает*).

Фидель. Мы вместе с Усямой – хозяин, скажите! – давно мечтали о воссоединении Ближнего Востока с Дальним!

Ильич. Да я же сказал вам: воссоединяйтесь! (*Икает*.)

Франциско(нерешительно). Нам с Рэйчел неплохо – Европу бы, что ли...

Ильич. Она загнивает! (*Икает*.)

Франциско(торопливо). Мы ее, так сказать, Владимир Ильич... Если только не жалко!

Ильич. Не жалко! (*Икает*.)

Франциско. Спасибо.

Ильич. От чистого сердца, чего там жалеть!.. (*Икает; обращает свой взор на **Клавдию Кастро** и разводит руками, как для объятий*.) Вам, прелестный товарищ, услада для глаза – вы просите, что хочется!

Клавдия(смутившись, зардевшись). Мне... Мне – любви, Владимир Ильич! (*И тоже разводит руками*.) Большую-пребольшую, настоящую-пренастоящую!

Ильич. Ну, любовь – для души! А – для тела, простите?

Клавдия. Мне бы Кубу для тела, Владимир Ильич! (*Запевает*.) Куба, любовь моя!

Ильич(широким жестом). И Кубу берите, и шмубу с Америкой вместе с Аляской, и вообще, с чем захочется!.. Весь этот безумный, бездарный мир к вашим ногам!

*Внезапно доносится крик петуха, и, заметно, **Ильич** на глазах увядает, ползком пробирается в гроб, несмотря ни на что продолжает вещать.*

Весь-весь, безнадежно погрязший в предательстве и развороте... мздоимстве и коррупции...

Слышно, мифический петух прокричал во второй раз.

чванстве и глупости... подлости и беспринципности... лжи, жестокости и равнодушии...

Петух, наконец, прокричал в третий раз.

В отчаянии и тоске... тонущий этот мир... (*Затихает в гробу.*)

Тишина. Внезапно жалобно и тоскливо завыл человек-волк.

Ваня. Сад, братишка, кончай...

Педичев(*беспомощно, со слезами на глазах*). Владимир Ильич, как же так?.. Нюра, ты где?..

Нюра(*хлюпая носом*). Я тута, Федор Кузьмич...

Вой, между тем, и тоскливое поскуливание не утихают.

Усяма(*растерянно*). Вай-вай, Линин...

Фидель(*берет Усяму под руку и жалобно жмется к нему*). Хозяин...

Франциско(*со слезами*). Камрад...

Рэйчел. Тов-варищ-щ...

Клавдия(*трагическим голосом вдруг запекает Пушкинского «Узника» на широко известную народную музыку*). Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормлённый в неволе орел молодой, Мой грустный товарищ, махая крылом, Кровавую пищу клюет под окном.

Усяма(*неожиданно подхватывает на свой восточный мотив*) Килюёт, и брясаит, и смотрит акна, Кяк бутта с мая

зядюмаль адна, заво́т мая взгляды́м и кры́чит сваим, и
вима́львит хочи́т: ды́вай, ули́таим!

Клавдия(*подхватывает*). Клюет, и бросает, и смотрит в
окно, Как будто со мною задумал одно; Зовет меня взглядом и
криком своим, И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Все(*грянули хором*). Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора, Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я-а-а-а!...»

К а р т и н а ш е с т а я. Э п и л о г

*Аукционный дом «Сотбис». Торжественно убранный гроб с телом
вождя мировой революции В.И.Ленина. **Ведущий** аукцион, одетый с
иглолки и с молоточком в руках объявляет начальную стоимость
лота. Все участники действия находятся в зале среди покупателей.*

Ведущий(*стучит молоточком*). Господа, господа! Всем
внимание, господа! Уж полночь близится, как говорится! В
заключение наших торгов, в связи с поздним часом,
последний лот на сегодняшний день под титулом «Пламенный
революционер», номер 666!

Оживление в зале.

(*Стук молоточка.*) Итак, господа, напоследок известная всем
и каждому мумия вождя мировой революции Владимира
Ульянова-Ленина в прекрасном состоянии!

Шушуканье в зале.

Итак, Владимир Ульянов-Ленин известен, как признанный
вождь мирового пролетариата, основатель и руководитель
первого в мире государства рабочих и крестьян. Безусловно,

значителен и знаменит – как Иисус Христос, Магомет или Будда!

Возгласы в зале: «О!», Оу!», «О-о!»...

Господа, я согласен, не надо галдеть! Можно спорить и копья ломать – не теряя при этом своей головы! Чем больше вопросов – тем выше цена! Дальше в лес, говорят, больше дров! Какой лес без чудес! Так сказать, диалектика, господа! (*Перестук молоточка.*) Итак, как и было объявлено, начальная цена лота под титулом «Пламенный революционер», номер 666 – один миллиард грёбанных американских долларов! Кто больше?

Голос из зала. Миллиард грёбанных сто миллионов!

Ведущий(*стучит молоточком*). Миллиард грёбанных сто миллионов – раз, миллиард грёбанных сто миллионов...

Голос из зала. Миллиард грёбанных двести!

Ведущий. Миллиард грёбанных двести – раз...

Голос из зала. Миллиард грёбанных пятьсот!

Ведущий. Миллиард грёбанных...

Впрочем, голос Ведущего тонет уже в воцарившемся в зале ажиотаже, криках и воплях: «Два миллиарда грёбанных!», «Три миллиарда грёбанных!», «Четыре!», «Пять!», «Десять!» «Сто грёбанных!»... И тут вдруг невидимые миру часы громко отбивают полночь – и в гробу восстает Ильич. Тут зал умолкает. А далее следует немая сцена, наподобие описанной Александром Сергеевичем Пушкиным в бессмертной трагедии «Борис Годунов».

Email: zlotnikov.info@ yandex.ru